

СЕКЦИЯ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Н. А. Купина,

*проф. кафедры риторики и стилистики
русского языка УрГУ;*

О. А. Михайлова,

*зав. кафедрой риторики и стилистики
русского языка УрГУ
(г. Екатеринбург)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Актуальность проблемы толерантности для коммуникации и, в частности, для речевого общения определяется современным состоянием общества. Развитие общества, цивилизации, глобализация мира, социальные и социокультурные преобразования ставят целый ряд новых вопросов перед лингвистикой. Для России особенно существенным в этом плане является последнее десятилетие XX века, изменившее социальную структуру общества, принципы взаимодействия его членов, роль средств массовой информации и в какой-то мере сам менталитет российского народа.

Еще в первой четверти XX века была разработана философская концепция, в основе которой лежит понятие мирной жизни [Розеншток-Хюсси 1994]. Был осознан замкнутый круг насилия: необходимость ограничить проявления естественной агрессивности человека приводит к созданию властных структур. «В то же время эти структуры становятся новым источником той же деструктивности, ради обуздания которой они были созданы» [Гусейнов 1992: 76]. Заканчивающееся столетие породило философию ненасилия и ненасильственные движения, призванные разорвать этот круг.

Исследование категории толерантности со стороны лингвокультурологии предполагает выделение нескольких составляющих: во-первых, изучение сущности, природы и особенностей речевой коммуникации; во-вторых, исследование современного состояния культурно-речевой ситуации в обществе (в России); в-третьих, определение коммуникативных прав и

обязанностей носителей языка и, в-четвертых, выработка рекомендаций «лингвистической терапии».

В последнее время речевая коммуникация как самостоятельный объект лингвистики приобретает особую актуальность. При этом осознание подчиненного характера собственно речевой коммуникации по отношению к коммуникации как целому заставляет исследователей переходить к интеракционным моделям коммуникации, изучать не только речь, но и речевые события (простые и сложные) как структурные формы коммуникации, придавать особое значение взаимодействию вербальных и невербальных инструментов общения. Еще в конце 20-х годов нашего столетия М. М. Бахтин обозначил связь языковых проявлений с областью социально-психологического бытия людей. «Словесный компонент поведения, — писал он, — определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами. Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей жизни» [Бахтин 1927: 85].

В любом акте речевого общения коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые в конечном счете регулируют деятельность собеседника [Оптимизация 1990; Речевое воздействие 1990]. Естественно, что разные типы дискурса различаются по интенсивности воздействия. Так, Р. Лакофф выделяет такие противопоставленные по этому критерию типы — «обычный разговор» и «персуазивный дискурс». Безусловно, всякая дихотомия применительно к языку условна, но тем не менее функция убеждения ярко маркирует некоторые типы дискурса, например лекция, политическая риторика. В отличие от персуазивного дискурса обычный разговор затевается не ради того, чтобы убедить (хотя это не означает, что мы не убеждаем или не стараемся убедить партнера). Лакофф иронически замечает по этому поводу: «Маловероятно, что после обычного разговора мы можем подумать: «О, это была отличная беседа! Я убедил Гарри, что летучие мыши едят кошек!»» [Lakoff 1982. Цит. по: Иссерс 1999: 21]. Речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, понимается как речевое воздействие.

Феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с

целевой установкой говорящего — субъекта речевого воздействия. Быть субъектом речевого воздействия — значит регулировать деятельность своего собеседника. Важным оказывается вопрос **о типах и способах речевого воздействия**. В современных исследованиях можно выделить две точки зрения на сущность речевого воздействия. Так, в работах [Баранов, Паршин 1986; Блакар 1987; Почепцов 1987; Федорова 1991; Карасик 1992; Тарасова 1992] исходной посылкой является понимание речевого воздействия как однонаправленного, неравноправного действия: партнер по речевой коммуникации выполняет пассивную функцию, воспринимая воздействие со стороны говорящего. Существует иной взгляд, сближающий речевое воздействие и речевое взаимодействие. В основе такого понимания лежит концепция «идентификации» Кеннета Бурка. Процесс общения на естественном языке есть «совокупность процедур над моделями мира... участников ситуации общения» [Баранов 1990: 11], при этом изменение структур знаний отмечается у обоих коммуникантов.

Причины несовпадения исходных постулатов кроются в онтологии самой коммуникации (в том числе и речевой), которая может осуществляться и как активное воздействие, направленное на то, чтобы заставить «другого» действовать в интересах говорящего, и как кооперативное общение, в котором каждый из участников учитывает интересы противоположной стороны. Взаимодействие партнеров может развиваться, таким образом, по одному из двух возможных вариантов. Первый — конгруэнция — представляет собой нарастающее подтверждение взаимных ролевых ожиданий партнеров, быстрое формирование у них общей картины ситуации и возникновение эмпатической связи друг с другом [Шибутани 1969]. Второй — конфронтация — есть, напротив, обоюдный (или односторонний) «обман» ролевых позиций, несовпадение в понимании и оценке ситуации и, как следствие, возникновение антипатии друг к другу.

Тип речевого взаимодействия можно определить по его исходу [Хаймс 1975]: достигнута ли коммуникативная цель, т. е. было общение эффективным или неэффективным (в связи с этим возникает важная проблема **эффективности общения** как сохранения равновесия [Стернин 1995]). При этом тип речевого взаимодействия оказывается фактором мотивационного психического состояния субъектов общения и источни-

ком соответствующего поведения. Неслучайно в современных исследованиях важное место занимает проблема качества общения, в частности **речевая агрессия** и, в оппозиции, **толерантное общение**.

В последнее время лингвисты обратились к изучению феномена вербальной агрессии в разных коммуникативных сферах, поскольку современное российское общество — это сплошное поле фрустрирующих ситуаций, и оно далеко от ненасильственного разрешения проблем. Одной из черт, характеризующих функционирование современного русского языка, является усиление отношений враждебности, агрессивности между участниками общения, что проявляется в таких речевых действиях, как наклеивание ярлыков, обыгрывание имени объекта речевой агрессии, нагнетание отталкивающих сравнений и ассоциаций, смакование непривлекательных и неприятных для объекта речевой агрессии деталей, подробностей, обстоятельств и др. Л. П. Крысин пишет: «В наши дни чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные средства негативной оценки поведения и личности адресата — от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо просторечной и обсценной лексики. Все эти особенности современной устной и, отчасти, книжно-письменной речи — следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности» [Крысин 1996: 385—386].

Исследования вербальной агрессии как формы речевого поведения ведутся в разных направлениях. Во-первых, выявляются **виды речевой агрессии**: активная прямая, активная непрямая, пассивная прямая и пассивная непрямая речевая агрессия, а также **ступени речевой агрессии** [Купина, Енина 1997]. В связи с этим разрабатывается классификация коммуникативных **типов языковых личностей** [Седов 1999; 1999a]. Установка на конфликт, конфронтацию характеризует выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с доминированием роли говорящего, с использованием негативных средств речевого общения, с нарушением коммуникативных норм.

Во-вторых, изучаются **коммуникативно-речевая дисгар-**

мония и коммуникативные стратегии в ситуации конфликта [Иссерс 1999; Михайльская 1996; Седов 1996; Шалина 1998]. Речевое поведение в такого рода коммуникации обнаруживает стратегии подчинения, являющиеся языковыми «инструментами власти» (Р. Блакар). Агрессивный речевой акт «служит для манифестации или установления социальной асимметрии... При различии в социальном статусе агрессора и жертвы первый прибегает к агрессивным речевым актам для самоутверждения и для того, чтобы добиться от жертвы подчинения... Это значит, что агрессивный речевой акт есть прежде всего инструмент создания и поддержания социальной иерархии» [Михайльская 1996: 165].

В-третьих, исследуются современные дискурсы, в особенности прагматические дискурсы, наиболее подверженные агрессивности. Так, повышенный интерес вызывает **политический дискурс** [Политический дискурс... 1997, 1998, 1999, 2000; Шейгал 2000], в котором знаки вербальной агрессии, в частности маркеры «чуждости», приобретают особую значимость. Исследователи выделяют типы современного политического дискурса, анализируют речевое поведение конкретных политических лиц.

Кроме того, большое внимание уделяется **публицистическому дискурсу**, в частности проблеме речевой агрессии в средствах массовой информации [Какорина 1996; Михайльская 1996; Речевая агрессия 1997; Сковородников 1997]. Л. М. Майдапова, учитывая составляющие коммуникативного акта, выделяет несколько случаев речевой агрессии в средствах массовой информации: 1. автор своим материалом прямо призывает адресата к агрессивным действиям против предмета речи; 2. автор своим представлением предмета речи вызывает или поддерживает в адресате агрессивное состояние; 3. автор агрессивно вводит предмет речи в сферу адресата и побуждает его совершить неагрессивное, но прямо или косвенно выгодное адресату действие [Речевая агрессия 1997: 10]. К способам реализации языковой агрессии в СМИ относят: немотивированное использование новых иноязычных слов; лингво-суггестивное воздействие рекламных текстов; экспансию лексики малых социумов; языковую демагогию; метафоризацию, создание специфической метафорической картины мира [Булыгина, Стексова 2000].

В-четвертых, выявляются и описываются языковые сред-

ства, являющиеся маркерами агрессивного речевого поведения. К ним относится, например, явление **дисфемизации** — нарочитое употребление грубых, вульгарных, стилистически сниженных слов и выражений, с целью дискредитации личности, формирования восприятия объекта как подозрительного и нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение или ненависть. В качестве дисфемизмов могут использоваться жаргонизмы и просторечие. Обращение к просторечным и жаргонно-просторечным единицам в речи носителей среднелитературного типа речевой культуры рассматривается учеными как отторжение стандарта [Химик 2000], нарушение норм — языковых, стилевых, коммуникативных.

И наконец, вербальная агрессивность осмысливается в аспекте **экологии языка** как выражение антинормы [Скворцов 1996]. Современное состояние общества характеризуется процессом размывания норм, в том числе и норм речевого общения. И поскольку агрессия рассматривается как «инстинкт борьбы, направленный против собратьев по виду, у животных и у человека» [Лоренц 1992: 5], и является одной из возможных (вероятно, наиболее простой для индивида) реакций на самые разнообразные ситуации, следовательно, и речевая агрессия как реакция на вербальные и невербальные раздражители, возникающая при напряженности в общении, возникает достаточно легко. Напряженность в общении может создаваться коммуникантами как преднамеренно, так и не преднамеренно, а «вследствие незнания этикетных, копенвенциональных норм и принципов общения, культурных стереотипов. При контакте разных речевых культур напряженность выступает как... следование групповым и индивидуальным нормам, не совпадающим между собой или с нормами общекультурными» [Шалина 2000: 275]. Без специальных усилий напряженность разрешается чаще всего в агрессивный речевой акт, тогда как нейтрализация ситуации риска предполагает взаимное приспособление либо адаптацию, когда хотя бы один из коммуникантов пытается обойти препятствие. Отсюда следует, что ненасильственные действия требуют подготовки, и в центре внимания оказывается образование: «Процесс образования... имеет своей целью мир между классами, между группами людей разного исторического времени» [Розеншток-Хюсси 1994: 37]. Таким образом, чтобы ненасилие стало составной частью менталитета, а толерантность как состояние

возобладала над агрессивностью, необходима серьезная психологическая и речеведческая работа и длительный период активного обучения и воспитания.

Лингвокультурология видит источник толерантности в гуманизации общения, в соблюдении личностью своих речекоммуникативных прав и обязанностей. Ненасильственная деятельность «является *обязательством* (выделено нами — ред.) достигать целей, не выходя за нравственно дозволенные рамки, не прибегая к такому испытанному оружию зла, как насилие» [Гусейнов 1992: 78].

Одной из наиболее значимых функций культуры признается нормативная функция. Культурно-речевая регламентация обеспечивает единство этноса, и в нормах речи выражается «социальный оптимум» (Ю. М. Скребнев). В современных исследованиях, в частности в работе Т. В. Матвеевой [2000], речедетельностная норма общения «предстает собранием речекоммуникативных обязанностей и прав личности» [Там же: 49]. Обладая определенными правами, личность, в соответствии с коммуникативными конвенциями, должна соблюдать предписанные ей обязанности. «Фундаментальной же ценностью речевой культуры личности и общества в целом является, вероятно, соблюдение баланса прав и обязанностей обеих сторон речевого общения» [Там же: 49]. Нормы речевого взаимодействия опираются на национальную культурно-речевую традицию и реализуются через культурные стереотипы. «Каждый культурный стереотип представляет собой сложное соединение социального и индивидуального, осязаемое национальной традицией как социально благоприятное, гармонизирующее речевое действие или речевое средство» [Там же: 46]. Стереотипы выступают как стабилизаторы общества. Поскольку функциональное поле стереотипов — граница сознательного/бессознательного в психологии человека, это делает их очень устойчивыми и препятствует их быстрой смене. В то же время стереотипы выступают первым фактором оценки социальными группами друг друга. Процесс стереотипизации осуществляется в соответствии с нашей шкалой ценностей. И если разница в ценностных шкалах слишком велика, возникают стереотипы, негативно влияющие на процесс коммуникации и ее результат.

Мы охарактеризовали блок лингвокультурологических проблем толерантности. Остановимся подробнее на двух воп-

росах, связанных с непосредственным взаимодействием языка, общения и культуры. Первый вопрос касается толерантности особого идеологического типа; второй — затрагивает аксиологический аспект проблемы.

Несомненно, что политические, юридические, религиозные и другие толерантные отношения имеют языковой способ выражения. Организация этих отношений в значительной мере зависит от того, знают ли субъекты, строящие диалог (полилог), с помощью каких средств языка приводится в действие механизм диалоговедения [Борисова 2001]. Таким образом, категория диалога становится центральной в анализе толерантных отношений.

Идеологическая толерантность. Субъекты диалогического взаимодействия типологизируются в зависимости от внешних по отношению к диалогу факторов. В толерантном социалистическом режиме главным субъектом, определяющим тип отношений и механизмы диалоговедения, является государство, разрабатывающее особую языковую политику [Дешериев 1970; 1977; Швейцер 1977 и др.]. В основе тоталитарной языковой политики лежит комплекс идеологических принципов, задающих направления предписательности, пронизывающей государственное воздействие на язык (и носителей языка) жесткой императивностью. Эта последняя способствует формированию языка тоталитарного типа [Купина 1995], обладающего своим словарем (основные единицы — идеологемы и мифологемы), вырабатывающего систему особо организованных идеологических примитивов, которые легко вводятся в языковое сознание и выступают впоследствии в качестве операторов коммуникативного взаимодействия во всех сферах языкового существования. Идеологические примитивы оформляют ведущие категории тоталитарного мышления, отражают его особенности: моделируют специфические типы пространства и времени; реализуют аксиологические механизмы (оппозиции *мы/они*; *советское/буржуазное*; *трудящиеся/вредители* и др.). Аксиологическая безальтернативность вырабатывает единую обобщенную точку зрения, единый взгляд на мир. Тоталитарная языковая политика в СССР определила формирование особого лингвокультурного сообщества (советский народ) с запрограммированным мировоззрением и типичного представителя этого сообщества — советского человека, ре-

ализующего установку на идеологически правильное языковое поведение. Основой тоталитарного общества как общества внешне толерантного типа становится норма. Все типы норм — в том числе моральные (ср. 'Моральный кодекс строителя коммунизма'), языковые, стилистические, коммуникативные, текстовые — трансформируются полностью или частично в нормы идеологические. Субъекты **идеологически толерантного взаимодействия** строго определены: *государство (партия) / народ, государственная (партийная) организация / представитель народа; группа сознательных представителей народа (коллектив) / тот (те), кто искренне желает стать достойным членом коллектива; наставник / благодарный ученик* и др. Поведение каждого субъекта определяется **императивом позволения**.

Отсутствие коммуникативно-идеологического риска создает иллюзию единомыслия, взаимопонимания, дает человеку надежду на поддержку, избавляет его от амбициозности, редуцирует индивидуальность. Тоталитарное государство как субъект влияния стремится к социальной и языковой **гармонии без резких различий**. Именно поэтому **идеологическая толерантность** предполагает лишь наличие «отдельных недостатков», «несущественных» отступлений от нормы. **Вариативность** поведения, в том числе языкового, **крайне ограничена. Эффект обеспечивает стереотипность толерантности**, делающую общение простым, предсказуемым, незатрудненным. Все функциональные разновидности тоталитарного языка выравниваются и обезличиваются с помощью стереотипов. Например, синтаксис советской эпохи характеризуется высокой активностью предложений без прямого обозначения действующего лица-субъекта: *Кому-то это выгодно; Есть мнение; Выдвигаются в качестве основных принципы диалектики* и др. В научном стиле речи развивается принцип *Мы-изложения* (*Мы думаем, что..., В результате исследования мы пришли к выводу*), способствующий уничижению личных заслуг автора. Тоталитарная языковая политика исходит из того, что стереотипы содействуют созданию коммуникативной гармонии. Используя это правило, она делает его обязательным как для языка, так и для мышления (мыслительных операций).

Поведение в границах государственного императива позволения создает особые типы речевых реакций [Купина 1999:

6—7]. В их числе а) реакции, соответствующие системе идеологем и мифологем; б) апологетические реакции.

а) Говорящий/пишущий, независимо от ситуации, темы, формы общения, сверяет свою речь с идеологическим предписанием. Государство (партия, вождь) через посредство директив — постановлений, решений — становится обязательным коммуникативным субъектом. Любая коммуникация выстраивается относительно генеральной линии и линии момента. Отход от директивной «линии» порождает ситуацию риска и конфликт. В любом случае реализация общих предписаний и предписаний «момента» приводит к **толерантному идеологическому результату**, предполагающему согласие с линией государства. **Диалог с государством** (и его представителями) становится обязательным условием идеологически правильного поведения.

б) Апологетическая реакция предполагает не только развитие директивной линии на разработку новых идеологем и мифов в духе опорной системы. Апологет входит в диалог с государством (и его представителями) как послушный исполнитель и одновременно стремится заслужить награды, похвалы, стать в этом диалоге равноправным партнером, подняться вверх по иерархической ступени. Коммуникативный результат в этом случае — почин, идея «снизу», меткое словцо, а также текст, вводимый в широкий народный оборот. В СССР большое распространение получила апологетическая литература (песня власти, производственный роман, героическая эпопея, политический фельетон), апологетическая наука (история ВКП(б), основы научного коммунизма, биология по Лысенко и Мичурину, марксистское языкознание по Сталину и др.). Ощутимый коммуникативный результат поощряется государством, однако, как правило, не переводит апологета за границу первичной социальной группы. Вот некоторые типовые роли: настоящий советский писатель, победитель социалистического соревнования, подлинно советский ученый. Внутри группы существует система поощрений, при которой должна сохраняться идеологическая толерантность. Нарушение конкретного предписания — повод для выведения из социального сообщества. Например, исключение из Союза писателей автоматически означало запрет публиковаться и писать; исключение из комсомола автоматически означало запрет продолжать образование и др. Распространенный в советское

время жанр писем к вождю демонстрирует страх авторов остаться за пределами привычной социальной общности, потерять (пусть незначительные) привилегии. Соперничество и даже конфликты в группе апологетов были на руку государству, т. к. позволяли осуществлять манипулирование данной группой в целом и отдельными ее представителями как людьми, претендующими на индивидуальность и привилегии взамен на идеологический апологетизм. В этой связи интерес представляют партийные (=государственные) постановления по поводу конкретных текстов. Например, специальное постановление ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1930 г. было посвящено критике двух фельетонов Д. Бедного «Слезай с печки» и «Без пощады» (*«Счастье литературы»* 1997: 85). Постановление адресовано доверенным группам — редакциям «Правды» и «Известий» как апологетам государственной политики. Объект критики — халатность редакции: *ЦК считает, что «Правда» поступила опрометчиво, напечатав фельетон т. Д. Бедного «Без пощады», известное место, касающееся ложных слухов о восстании в СССР, убийстве т. Сталина и т. д., ибо она не могла не знать о запрете печатать сообщения о подобных слухах.* ЦК как верховный коллективный субъект устанавливает с редакциями данных газет диалог, который может быть оценен как шаг в сторону идеологической толерантности: *ЦК надеется, что редакции «Правды» и «Известий» учтут в будущем эти дефекты в писаниях т. Д. Бедного* (к дефектам, в частности, отнесено «объявление лени национальной чертой русских»). Директивность в соединении с советом и выражением надежды на взаимопонимание — средство давления на редакционную политику. Несмотря на то, что директива предназначалась узкому адресату, будущее Д. Бедного-публициста было в ней предопределено: редакции центральных газет уже не могли печатать его фельетоны.

Манипулирование, с помощью которого устанавливалась и регулировалась идеологическая толерантность, проявлялось в разных формах. Один из приемов манипуляции — перевод соперничества интеллектов в соперничество обладателей привилегий. Вот, например, как воспроизводятся тайные мысли выдающегося писателя И. Бабеля в современной повести о нем: *Бездарному Демьяну дали бы, окажись он в таком положении* (имеется в виду разговор, при котором И. Бабель

оставил квартиру жене — ред.), *хоть Василия Блаженного под жильё, провели бы электрический звонок и дали. Да что Демьян, к нему Сам в гости ходит! Бездарному Безыменскому с его зубами навывкате выделили бы без звука отдельную квартиру в самом центре, внутри кольца. А ему, знаменитому Гросману* (под этим именем изображен И. Бабель), *кинули, как селедочную голову, грязный угол в коммуналке* [Маркиш 2000. № 2: 86]. Как видим, вожделенный диалог с вождем присутствует в мыслях писателя, а в оппозиции *талант — квартира* желаемой является последняя. Так выстраивается и отношение к ценностям, составляющее важнейший аспект толерантности. Идеологическая толерантность содержит апологета в узде, не дает ему свободы, включает в конфликт амбиций, внушает комплексы.

Тоталитарная культура, стремящаяся к глобальной идеологической гармонии, порождает естественное сопротивление. В общем виде можно говорить о том, что **языковое сопротивление** — это естественная реакция носителей языка на кодификацию норм. Оно существует как средство противодействия кодификации. Таким средством, например, является жаргон как язык социогруппы, противопоставляющий себя литературному кодифицированному языку. В тоталитарной культуре языковое сопротивление возникает на фоне вечно-го напряжения, поддерживаемого государственным императивом обязательности, проявляясь в формах языкового противостояния или борьбы. В ситуации фактической диглоссии (тоталитарный язык — антитоталитарный язык) возникает общенародное сопротивление, сопротивление группы (субъязыковое) и сопротивление индивидуальное. Общенародное сопротивление тоталитарным предписаниям наблюдаем в фольклоре крестьянском (частушка, поговорки) и городском (анекдот, городской романс, дворовая песня). В качестве примера субъектового сопротивления можно привести авторскую песню, которая приобретает особое социальное звучание. Не случайно наименование *движение авторской песни*. В советской тоталитарной культуре существуют разнообразные индивидуальные стили авторского сопротивления (в литературе — от А. Ахматовой и М. Зощенко до С. Шипачева и М. Жванецкого; от С. Замятина и А. Платонова до А. Солженицына и В. Шукшина).

Будучи основным субъектом влияния, государство пред-

почитает не допускать субъектов сопротивления к открытому диалогическому взаимодействию, используя для этого группы средств: гонение, преследование, вытеснение за пределы социальной группы (исключение), изоляция (аресты), уничтожение (расстрел), выдворение за пределы государства. Если государство санкционирует диалог (полилог) с носителем «вредной» идеологии, права последнего резко ограничиваются, а сам диалог строится по правилам тоталитарной культуры [Данилов 2001] с разворотом позиционных речевых действий, соответствующих заранее распределенным ролям правых и виноватого(-ых), большинства и одиночки. Диалогические конфликты в тоталитарной культуре разрешаются конвенционально, исключают эффект неожиданности. Механизмы диалоговедения схематизированы. Ролевые функции участников общения строго закреплены. Тоталитарная культура вырабатывает определенный репертуар жанров; она располагает группой жанров влияния, с помощью которых налаживается и регулируется идеологическая толерантность. Подчиненный строгим предписаниям, диалог монологизируется. Основная коммуникативная роль принадлежит государству, задающему принципы языкового существования в целом и коммуникативный результат отдельного диалогического взаимодействия в частности.

Идеологическая толерантность — это внутрикультурная составляющая культуры тоталитарного типа.

Тоталитарная культура терпимо относится к подобным ей культурам (пусть даже со своей спецификой). Другие типы культур тоталитарной культурой не одобряются. Она принимает по отношению к последним оппозиционное положение, рассматривает их как чуждые, враждебные, таящие опасность и агрессию. Идеологическая гармония между тоталитарной и нетоталитарной культурами невозможна. Диалог культур в данном случае может развиваться только как конфронтационный, безальтернативный.

Толерантность как правило обращения с ценностями. Посттоталитарный период в России характеризуется мощнейшими мировоззренческими сдвигами. Диктат в условиях полного языкового контроля сменился неограниченной свободой, поддерживаемой отсутствием языковой политики. Речевая свобода (понимаемая не только как отсутствие ограничений, обуславливающих отбор и сочетаемость собственно языко-

вых нормативных средств, но и как отсутствие ограничений в выборе тем, речевых жанров, установление степени интимизации коммуникации, проникновения в личностное пространство адресата или лица-объекта речи) развивается в условиях отсутствия строгой кодификации не только языковых, но и общекультурных норм. Монокультуризм уступает место поликультуризму. В этих условиях человек как носитель языка и культуры испытывает чувство **аксиологической неуверенности** [Хомяков 2000: 3–4], усиливающееся при **отсутствии декларированности опорной системы ценностей**. Как мы уже отмечали, тоталитарный язык представляет собой строго структурированную систему идеологем или слов, словосочетаний, оборотов, обладающих таким идеологическим содержанием, которое прямо или опосредованно отражает менталитет носителей тоталитарной культуры. Идеологический словарь разрабатывает специальные ограничители [Михайлова 1998], включает и мифологемы — квазиидеологемы, имеющие свою драматургию (например, мифологема коммунизма, мифологема равенства, мифологема примата материального над идеальным и др.). Советское мировоззрение отличалось особой цельностью. Оно объединяло людей в народ, обладающий своей системой ценностей, каждая из которых была точно определена, имела свое строгое место в системе. Например, символизм (направление в искусстве XIX и начала XX в.), будучи идеологемой, маркировался как явление «не наше», «буржуазное» и потому вредное: «направление, выражавшее упаднические и реакционные настроения буржуазии» [Словарь русского языка. Т. 4: 181]. Язык (словарь) определяет ценностный выбор декларативно: советское искусство не принимает ничего буржуазного. Это значит, что любое произведение символистов следует оценивать как вредное, «выражающее настроение буржуазии», а любого символиста — считать «несоветским». **Абсолютная простота разработки аксиологических суждений определяла возможность/невозможность и меру толерантности.**

Процесс деидеологизации и демифологизации поставил российское общество перед выбором опорной аксиологической системы. Выбор этот происходит стихийно, хотя и на базе культурных традиций.

Очевидной является сегодняшняя тенденция к возрождению традиционных (исконно) русских (шире — нацио-

нальных) ценностей. Так, в русской культуре сформировалась устойчивая тенденция к возрождению христианской православной лексики [Скляревская 2001]. Параллельный процесс характерен, например, для татарской культуры: тенденция к возрождению мусульманской религиозной лексики. Внутри русской культуры, как и внутри татарской культуры, наблюдается толерантное отношение к данным процессам, а в межкультурном плане отмечаются очаги религиозной нетерпимости, служащие поводом для лингвистических столкновений.

Возрождение ориентации народа на систему ментально заданных (коренных, этнических, древних) ценностей подтолкнуло процесс **трансформации идеологием в культуру**. Слова и устойчивые обороты освобождаются от идеологических добавок, утрачивают квазинаращения, возвращаются в собственно культурный оборот. Например, слова на —изм, обозначающие направления в искусстве и литературе (*акмеизм, модернизм, футуризм, абстракционизм* и др.), всеми современными словарями и справочниками толкуются безоценочно, т. е. становятся собственно культурами: *акмеизм* — «в русской литературе XX в.: течение, провозгласившее освобождение от символизма» [Ожегов, Шведова 1999]. Освобождение данной группы единиц от идеологической зависимости задает толерантное отношение общества к возникающим течениям, направлениям, группам: *митьки* — «члены группы петербургских художников, создающих произведения в стиле примитивизации или русского лубка и исповедующих нарочито упрощенное, детски наивное отношение к событиям, явлениям» [Скляревская 1998: 394]. Деидеологизация в данном и подобных случаях — фактор, в значительной мере определяющий внутрикультурную и межкультурную толерантность.

Крайнее проявление ориентации на исконную систему ценностей, идея исключительного пути России, стремление найти спасительную русскую идею — все это пока не находит убедительного речевого воплощения. Поиск русской идеи, как представляется, сопряжен с культурной изоляцией, возвратом к искусственной идеологической толерантности.

Процесс деидеологизации и демифологизации сопровождается упрямством тоталитарной системы идеологием. Носители тоталитарной культуры, преданные ее традициям, продол-

жают отстаивать дорогие для них ценности. Следует отметить, что тоталитарный язык из общенародного превратился в субъязык, язык социальной группы. Утрачены отдельные мифологемы (например, вряд ли в России остались люди, верящие в реальность *коммунизма*, однако многие до сих пор искренне верят в *равенство, право пролетариата на гегемонию* и др.); резко сокращен набор идеологем (например, слово *просвещение* навсегда утратило значение 'разъяснение политики партии, распространение марксистско-ленинской идеологии' [Мокиенко, Никитин 1998: 489—490], а слова-идеологемы *политтройка, политчас, кружковщина, коммунарка, перегибчик, уклонист*, как и идеологические обороты *знамя ленинской внешней политики, юные корчагинцы, махрово-реакционная клика* и др. ушли в пассивный запас общенародного русского языка. Центробежные процессы, характеризующиеся перемещением идеологем на периферию литературного языка, способствуют маргинализации системы тоталитарных ценностей, однако в настоящее время это скорее процесс, имеющий еще перспективу стать центростремительным. Например, можно заметить активизацию так называемой патриотической лексики и фразеологии в связи с государственной программой патриотического воспитания 2001 г.: *Россия — великая держава, народ-победитель, достойный ответ США, лучшие в мире противоракетные комплексы* и др. Реанимация подобных стереотипов, возможно, дает патриотический заряд, но одновременно составляет почву для возникновения изоляции и конфронтации.

Аксиологическая гармония, основанная на замкнутой системе тоталитарных идеологических ценностей, в наше время является базовой лишь для групп ортодоксов.

Мы говорили о двух опорных для россиян системах ценностей: собственно национальной (в языке она закрепляется как система культурем) и советской (в языке она закрепляется как система идеологем и мифологем). Нельзя не сказать о системе ценностей, которую условно можно назвать западной. Она закрепляется в языке в виде иноязычных слов (выражений), групп слов (выражений), отражающих инокультурные ценности. Некоторые исследователи полагают, что мы являемся свидетелями лавинообразной американизации не только языка (поток заимствований), но и мышления (процесс калькирования — Костомаров 1994). Инокультуремы,

как свидетельствуют записи живой речи, воспринимаются по-разному: *Панасоник надо брать* // (в отличие от телевизора отечественного производства — ред.); *Миксер / Филип кажись / нашим так не сделать* // Ср.: *Понапривезли тут / черт знает что [черт ти чо] // Филип-шмилип / у самих рук нет?* Люди старшего поколения особенно осторожно относятся к инокультурам. Вот запись диалога рабочих — пожилого (В. И.) и молодых (М., Д.).

Д. Показывали / первоуральское телевидение / значит новая программа / попали они в *«Интим-магазин»* (НРЗБ) //

В. И. Магазин *«Интим»* находится у «Спорттоваров» / проспект Космонавтов / дом двадцать четыре //

Д. Там очень скромная вывеска / к окошку прислонена такая фанерка / и написано *«Интим-магазин»* / часы работы / пошли туда / женщина лет сорока может / продавщицей работает //

В. И. Это парикмахерская моя / куда я хожу бриться //

Д. Да? //

М. А туда заходите?

В. И. *Нет / не захожу / стыдно мне заходить* //

Инокультура может стать основой разногласий, конфликтов, однако, как нам представляется, в целом задается избирательное отношение к «не своим» культурам, поддерживаемое, что немаловажно, словарями и справочниками, влияющими на формирование культурных норм. Например: *металлисты* — ‘представители неформального молодежного течения фанатов рок-музыки в стиле хэви-метал’. Подобные толкования утверждают право на аксиологический выбор, составляющее основу толерантности.

Аксиологическая растерянность россиян, находящихся между тремя системами ценностей (исконной, советской, западной) влияет на языковое существование, часто порождает напряжение и дискомфорт. Вместе с тем находящийся отражение в языке объективно существующий в рассматриваемом обществе плюрализм ценностей вселяет уверенность в возможности терпимого отношения общества к культурно-ценностным предпочтениям граждан.

Обретенная языком свобода, усиление индивидуального начала речи, открытость диалогического взаимодействия, установка коммуникантов на возможность ненасильственного выбора языковых единиц, отражающих те или иные культур-

ные смыслы, — вот те реальные параметры, которые способствуют установлению толерантных отношений между членами языкового коллектива в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // *Язык и социальное познание.* М., 1990.

Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // *Роль языка в средствах массовой информации.* М., 1986.

Бахтин 1927 — *Волошинов В. Н.* (Бахтин М. М.) Фрейдизм. М., 1993.

Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // *Язык и моделирование социального взаимодействия.* М., 1987.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

Булыгина Е. Ю., Стексова Т. И. Проявление языковой агрессии в СМИ // *Юрислингвистика—2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии.* Барнаул, 2000.

Вежбицкая А. Язык. Познание. Культура. М., 1996.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.

Гусейнов А. А. Этика ненасилия // *Вопросы философии.* 1992. № 3.

Данилов С. Ю. Речевой жанр проработки в тоталитарной культуре. Дисс. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Дешериев Ю. Д. Советская методология, теория и практика планирования и прогнозирования языкового развития. М., 1970.

Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. К основаниям общей теории. М., 1977.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект.* М., 1993.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.

Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // *Русский язык конца XX столетия (1985—1995).* М., 1996.

Карасик В. И. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте // *«Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания.* М., 1992.

- Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.
- Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Культура русской речи / Отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М., 1996.
- Купина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург — Пермь, 1995.
- Купина Н. А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
- Купина Н. А., Енина Л. В.* Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
- Лоренц К.* Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы филологии. 1992. № 3.
- Маркиш Д.* Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // Октябрь. 2001. № 1–2.
- Матвеева Т. В.* Нормы речевого общения как личностные права и обязанности, формируемые в сфере естественной коммуникации // Юрислингвистика — 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.
- Михайлова О. А.* Ограничения в лексической семантике. Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург, 1998.
- Михальская А. К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
- Мокиенко В. М., Никитина Н. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
- Ожегов С. И., Шведова Ю. Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
- Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. Вып. 2–4. М., 1997 (1998, 1999, 2000).
- Почепцов О. Г.* Коммуникативные аспекты семантики. Киев, 1987.
- Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
- Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
- Розенток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
- Седов К. Ф.* Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Вып. 26. Саратов, 1996.
- Седов К. Ф.* Портреты языковых личностей в аспекте их ста-

новления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28.

Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи – 2. Саратов, 1999.

Скворцов Л. И. Экология слова или Поговорим о культуре русской речи. М., 1996.

Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2001.

Сковородников А. П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск; Ачинск, 1997. Вып. 2.

Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1984.

Стернин И. А. О понятии эффективного общения // Преподавание культуры общения в средней школе. Воронеж, 1995.

«Счастье литературы»: Государство и писатели. 1921 – 1938 гг. Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997.

Тарасова И. П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. М., 1992.

Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

Хаймс Д. Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. Социолингвистика. М., 1975. Вып. 7.

Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.

Хомяков М. Б. Толерантность в христианской философии. Екатеринбург, 2000.

Шалина И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: Дисс... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Шалина И. В. Коммуникативно-речевая дисгармония: ее причины и виды // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. М., 1977.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000.

Шибутани Г. Социальная психология. М., 1969.